

...какое бы ни оказывала влияние пропаганда на современников, это не окончательный приговор истории.

ТИМОТИ СНАЙДЕР **ДОРОГА**
К НЕСВОБОДЕ

РОССИЯ, ЕВРОПА, АМЕРИКА

CoRpus

Тимоти Снайдер

**Дорога к несвободе.
Россия, Европа, Америка**

«Corpus (АСТ)»

2018

УДК 821.111-4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Снайдер Т.

Дорога к несвободе. Россия, Европа, Америка / Т. Снайдер —
«Corpus (АСТ)», 2018

ISBN 978-5-17-115334-2

Тимоти Снайдер ставит перед собой трудную задачу – показать читателю (причем откуда он родом или где живет, не слишком важно, потому что мир сейчас, как к этому ни относиться, глобален: спасибо интернету), что происходило и происходит в государствах, традиционно определяющих мировую политику – в США, странах ЕС, России, – с либеральной демократией, которая до недавних пор считалась едва ли не единственным залогом вселенского счастья. Разрушить это представление, подорвать благожелательное к ней отношение оказалось не так уж сложно. Хаос в соцсетях довольно легко перетекает в хаос в реальной жизни. Клевета и ложь становятся основными орудиями тех, кто, будучи не в состоянии исправить ситуацию в своей стране, выбирает путь разрушения основ и ценностей стран, которые добились успехов в экономике и в сфере защиты прав человека. Соглашаться или не соглашаться с автором – читатель решает сам, но Снайдер дает необходимую для этого перспективу. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115334-2

© Снайдер Т., 2018
© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Пролог. 2010 год	7
Глава 1. 2011 год: индивидуализм или тоталитаризм?	14
Глава 2. 2012 год: сменяемость или крах?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тимоти Снайдер
Дорога к несвободе.
Россия, Европа, Америка

Timothy Snyder

The Road to Unfreedom. Russia, Europe, America

© Timothy Snyder, 2018

© И. Кригер, перевод на русский язык, 2021

© Виталий Коршунов, фотография на обложке

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается репортерам – героям нашего времени

Пролог. 2010 год

Мой сын родился в Вене. Роды были трудными, поэтому врач-австриец и акушерка-полька заботились в первую очередь о ребенке. Когда он начал дышать, его ненадолго передали матери. После ее увезли в операционную. Акушерка Ева протянула ребенка мне. Я и мой сын слегка растерялись, но вместе мы справились с ситуацией. Мимо нас бегали хирурги, щелкали резинки масок, и ребенок блуждающими лиловыми глазами наблюдал за мельтешением зеленых пятен медицинской одежды.

На следующий день все, казалось, шло хорошо. Медсестры посоветовали мне уйти из роддома в обычное время, в пять вечера, и до утра оставить мать с ребенком на их попечение. Теперь я уже мог рассылать, с небольшим опозданием, сообщения о рождении сына. Некоторые мои друзья узнали хорошие новости точно в тот момент, когда и дурные. Один из них (ученый, с которым я встречался в Вене еще в прошлом веке) спешил на самолет в Варшаву. Мое письмо летело со скоростью света, но он так его и не прочитал.

Две тысячи десятый год стал временем осмысления. Финансовый кризис 2008 года уничтожил значительную долю мирового богатства, а от замедленного восстановления выигрывали богатые. Пост президента США занимал афроамериканец. Большое приключение Европы 2000-х годов – расширение Европейского Союза на восток, казалось, подошло к концу. Две тысячи десятый год – когда миновали десять лет нового века, два десятилетия после краха коммунистической системы в Европе и семь десятилетий после начала Второй мировой войны – казался годом подведения итогов.

В том самом году я работал с историком Тони Джадтом – незадолго до его смерти. Я восхищался книгой Тони об истории Европы – “После войны” (2005). Он рассказывал о невероятно успешном собирании Европейским Союзом осколков империй и конструировании из них мощнейшей в мире экономической структуры и главного оплота демократии. В конце книги автор делился своими размышлениями о памяти европейцев о Холокосте. В XXI веке, писал он, формальностей и денег будет недостаточно: политические приличия могут потребовать рассказов об ужасах.

В 2008 году Тони заболел боковым амиотрофическим склерозом. Это нейродегенеративное заболевание обрекает человека на смерть, замыкая его в непослушной телесной оболочке. После того как Тони утратил способность пользоваться руками, свои с ним беседы о XX веке мы стали записывать на диктофон. В 2009 году нас обоих настораживала убежденность американцев в том, что капитализм необорим, а победа демократии неизбежна. Прежде Тони писал о безответственных интеллектуалах, служивших в XX веке тоталитаризму. Теперь, в XXI веке, его заботила безответственность иного рода: полнейшее отрицание идей, которое расстраивает дискуссию, выхолащивает политику и делает нормой неравенство.

В тот период, когда мы беседовали с Тони, я работал над историей политически мотивированных массовых убийств, совершенных в Европе в 1930–40-х годах властями СССР и нацистской Германии. Я рассказывал о народах (в первую очередь евреях, белорусах, украинцах, русских, прибалтах, поляках), столкнувшихся с обоими этими режимами и живших там, где действовали и нацисты, и коммунисты. Хотя сюжет был мрачен (я писал о спланированном голоде, расстрельных рвах и газовых камерах), к выводам я пришел сравнительно оптимистическим: причину массового убийства можно выяснить, а слова погибших – вспомнить. Истину можно озвучить. Уроки прошлого можно усвоить.

Одну из глав своей книги я посвятил поворотному пункту XX века: формированию советско-нацистского альянса, развязавшего Вторую мировую войну. В сентябре 1939 года Германия и СССР напали на Польшу, причем и Берлин, и Москва стремились уничтожить

польское государство и польский политический класс. В апреле 1940 года НКВД казнил 21 892 польских военнопленных, большинство которых составляли офицеры запаса – образованные люди. Эти мужчины (и одна женщина) были убиты выстрелами в затылок и зарыты в пяти местах, в том числе в Катынском лесу около Смоленска. Катынский расстрел стал для поляков главным символом советских репрессий.

После Второй мировой войны в Польше установился коммунистический режим. Страна превратилась в сателлита СССР, и говорить о Катыни было нельзя. Лишь после распада Советского Союза в 1991 году историки смогли выяснить, что произошло. Советские документы не оставили сомнений в том, что массовое убийство – сознательный шаг, одобренный лично Сталиным. Российская Федерация прилагала большие усилия, чтобы разобраться с наследием сталинского террора. 3 февраля 2010 года, когда я закончил работу над книгой, премьер-министр России неожиданно предложил своему польскому коллеге провести в апреле совместные мероприятия по случаю семидесятой годовщины убийств в Катыни. В полночь 1 апреля, когда должен был родиться мой сын, я отослал рукопись издателю. 7 апреля польская правительственная делегация во главе с премьер-министром приехала в Россию. На следующий день моя жена родила ребенка.

Через два дня в Россию отправилась вторая делегация. В нее входили: польский президент с супругой, командующие вооруженными силами, парламентарии, гражданские активисты, священнослужители и члены семей тех, кто погиб в 1940 году в Катыни. Одним из пассажиров этого самолета был мой друг Томаш Мерта, ответственный за памятные мероприятия: уважаемый политолог, замминистра культуры и национального наследия. Ранним утром в субботу 10 апреля Томек сел в самолет. В 8.41 самолет потерпел крушение, не дотянув до взлетной полосы военного аэродрома в Смоленске. Выживших не оказалось. В венском роддоме раздался звонок мобильного, и женщина в трубке закричала по-польски.

Вечером следующего дня я просмотрел ответы на свои электронные письма. Один из моих друзей выразил опасение, что я, купающийся в личном счастье, не вполне понял, что именно произошло: “...По-моему, ты плохо разобрался в ситуации. Вообще-то, Томек Мерта был убит”. Другой – он значился в списке пассажиров – сообщил мне, что передумал лететь и остался дома: его жена через несколько недель должна была родить.

Он написал: “Теперь все изменится”.

В Австрии в родильных домах матери остаются после родов на четыре дня, чтобы медперсонал рассказал им о кормлении и уходе за ребенком. За это время семьи в роддоме успевают перезнакомиться, родители – выяснить, какими языками они владеют, и затеять беседу. На следующий день мы по-польски обсуждали возможный заговор. Были выдвинуты версии: самолет сбили русские – или же польское правительство спланировало убийство президента (ведь он и премьер-министр принадлежали к разным партиям). Мать-полька спросила, что об этом думаю я, и я ответил, что то и другое очень маловероятно.

Еще день спустя мою жену с ребенком выписали, и мы отправились домой. Присматривая за сыном (он спал рядом в корзинке), я написал о Томеке два текста: некролог (по-польски) и рассказ о катастрофе (по-английски), который закончил обнадеживающими словами о России. Поскольку президент Польши погиб, желая почтить память убитых на российской земле, я выразил надежду, что премьер-министр Путин воспользуется этим, чтобы начать широкое обсуждение истории сталинского СССР. Кажется, это было уместное в печальном апреле 2010 года допущение. Но я сильно заблуждался.

Все изменилось. В сентябре 2011 года Владимир Путин (перед тем, как стать премьер-министром, он уже дважды занимал пост президента) объявил, что желает снова стать президентом. На выборах в декабре его партия провалилась, но все же получила большинство мест в Государственной думе. В мае 2012 года Путин стал президентом после выборов, также,

по-видимому, проведенных с нарушениями. Затем Путин озаботился тем, чтобы дискуссия о советском прошлом (например, о Катыни, которую он сам же и начал) стала уголовно наказуемой. Смоленская катастрофа ненадолго сплотила польское общество, а после расколола его на годы. С течением времени одержимость трагедией 10 апреля 2010 года росла, отодвигая на второй план и Катынский расстрел, и все исторические эпизоды польского мученичества. Польша и Россия перестали размышлять об истории. Времена изменились. Или, может быть, изменилось наше ощущение времени.

Над Европейским Союзом сгустились тучи. Наш роддом в Вене, где недорогая страховка покрывала все расходы, служит напоминанием об успехе европейского проекта. Роддом предоставляет услуги, которые в большинстве стран Европы считаются обычными – но немыслимы для США. То же самое можно сказать о быстром и надежном метрополитене, при помощи которого я добрался в роддом: это норма для Европы и недостижимая мечта для Америки. В 2013 году Россия ополчилась на якобы растленный и враждебный Европейский Союз. Успехи ЕС могли навести россиян на мысль, что бывшие части империи способны стать преуспевающими демократическими странами, так что их существование внезапно оказалось под угрозой.

Украина сближалась с Европейским Союзом, и в 2014 году Россия напала на нее и аннексировала часть территории. К 2015 году Россия перенесла грандиозную кибервойну из Украины в Европу и США – при содействии множества европейцев и американцев. В 2016 году британцы проголосовали за выход своей страны из ЕС (чего давно желала Москва), а американцы избрали президентом Дональда Трампа (чему способствовали россияне). Новый президент США – вдобавок к прочим своим недостаткам – не способен размышлять об истории. Он не сумел ни почтить жертв Холокоста, когда к этому появился повод, ни обличить нацистов в самих США.

Хотя XX век окончательно и бесповоротно кончился, его уроки остались неувоенными. В России, Европе и Америке появилась новая, соответствующая новой эпохе форма политики: несвобода.

Я несколько лет размышлял о политике жизни и смерти. Потом написал о катастрофе под Смоленском две статьи – ночью, когда грань между жизнью и смертью очень тонка. “Твое счастье посреди горя”, – как выразился один из моих друзей. И то, и другое казалось незаслуженным. Конец и начало слишком сблизились, даже перепутались: смерть прежде жизни, небытие прежде существования. Цепь времен распалась.

В апреле 2010 года (или около того) человеческая натура изменилась. Чтобы сообщить знакомым о рождении своего первенца, мне пришлось отправиться в кабинет и сесть за компьютер. (Смартфонами тогда мало кто пользовался.) Я ожидал ответа через несколько дней, даже недель. Два года спустя, когда родилась моя дочь, все переменилось: смартфон в кармане вошел в привычку, а ответ вы получали или немедленно, или никогда. Иметь двоих детей – не то же самое, что быть отцом одного ребенка, но я все-таки думаю, что в начале 2010-х годов время стало менее целостным, неуловимым для всех нас.

Техника, призванная породить время, вместо этого поглощает его. Поскольку мы утратили способность сосредоточиваться и запоминать, нам все кажется новым. В августе 2010 года, после смерти Тони, я совершил турне по Америке, обсуждая с читателями книгу “Размышления о XX веке” (*Thinking the Twentieth Century*), которую мы написали вместе с ним. В поездке я понял, что сам ее предмет – прошлое столетие – уже надежно позабыт. Я смотрел в гостиницах телевизор и видел, как российское ТВ, рассказывая, будто Барак Обама родился в Африке, развлекается болезненной историей межрасовых отношений в США. Я поразился тому, что вскоре эту тему подхватил и шоумен Дональд Трамп.

На рубеже нового века американцам и европейцам предложили выдумку о “конце истории”. Я буду называть ее *политикой предопределенности*: будущее похоже на настоящее,

законы прогресса известны, альтернатив нет, и подделать с этим ничего нельзя. В американской капиталистической версии “политики предопределенности” природа породила рыночную экономику, рынок родил демократию, а та принесла народам счастье. В европейской редакции история порождает нацию, которая (после войны) увидела, что мир – это хорошо, и выбрала интеграцию и процветание.

До распада СССР (1991) коммунизм предлагал собственную версию “политики предопределенности”: природа позволяет появление техники и технологий, которые обуславливают социальные изменения, те приводят к революции, а революция – к утопии. Когда все пошло иначе, адепты “политики предопределенности” в Европе и Америке возликовали. Европейцы в 1992 году занялись достройкой Европейского Союза. Американцы решили, что развенчание коммунистического мифа доказывает истинность мифа капиталистического. Четверть века после падения коммунистических режимов американцы и европейцы рассказывали друг другу о “предопределенности” – и так воспитали поколение “миллениалов” без истории.

Американская “политика предопределенности”, как и все подобные выдумки, отвергала факты. То, что произошло после 1991 года в России, Беларуси и Украине, наглядно показало, что крушение одной системы не оставляет после себя вакуум, в котором природа порождает рыночную экономику, а та, в свою очередь, – права человека. Этот урок смог бы преподать Ирак – если, конечно, те в Америке, кто развязал в 2003 году преступную войну, согласились бы поразмыслить над ее катастрофическими последствиями. Финансовый кризис 2008 года и отмена в 2010 году в США ограничений на финансирование избирательных кампаний увеличило влияние богачей и уменьшило влияние избирателей. С усилением экономического неравенства горизонт прогнозирования уменьшился и меньше американцев стало считать свое будущее усовершенствованной версией настоящего. Американцев в отсутствие эффективного государства (которое обеспечивает основные общественные блага, повсюду принимающиеся как должное: образование, пенсионное обеспечение, здравоохранение, общественный транспорт, отпуска по уходу за ребенком, оплачиваемые отпуска) захватила обыденность, и они утратили ощущение будущего.

Провал “политики предопределенности” привел к иному восприятию времени: к *политике вечности*. В отличие от “предопределенности” (пророчащей всем без исключения “светлое будущее”), в рамках “вечности” какая-либо одна нация помещается в центр мифа о непорочности. У линии времени нет направленности, нет будущего: время циклично, и мы вновь и вновь сталкиваемся с одними и теми же угрозами. В условиях “предопределенности” никто не несет вины, потому что мы знаем: все устроится само собой. А в “вечности” никто не несет ответственности потому, что враг у ворот – и пребудет там вечно, что бы мы ни делали. Адепты “политики вечности” отстаивают мнение, что государство не может помочь обществу в целом, что оно в состоянии лишь уберечь от угроз. Прогресс уступает место обреченности.

Облеченные властью адепты “политики вечности” организуют кризис и манипулируют вызываемыми им эмоциями. Граждан – чтобы они забыли о неспособности или несклонности сторонников “политики вечности” к реформам – приучают попеременно испытывать то восторг, то гнев, “растворяя” будущее в настоящем. Во внешней политике сторонники “политики вечности” преуменьшают, отказываются признавать достижения тех стран, которые их сограждане могут принять за образцы. Распространяя (при помощи технологий) политические фикции на родине и за рубежом, адепты “политики вечности” отрицают факты и стремятся свести жизнь к зрелищам и их переживанию.

Возможно, в 2010-х годах произошло нечто большее, чем мы сумели заметить, и наполненное беспорядочными событиями время между катастрофой под Смоленском и избранием Трампа стало эпохой трансформации. Возможно, мы переходим от одного ощущения времени к другому, поскольку не понимаем, как история формирует нас и как мы творим историю.

“Предопределенность” и “вечность” превращают факты в концепции. Увлеченные “предопределенностью” видят во всяком факте отклонение, в итоге не слишком изменяющее течение прогресса. Те же, кто тяготеет к “вечности”, расценивают факт как пример исконной враждебности. И “предопределенность”, и “вечность” выдают себя за историю; и та, и другая от истории избавляются. Сторонники политики “предопределенности” учат: конкретные обстоятельства прошлого не важны, так как все произошедшее необходимо для прогресса. Адепты “политики вечности” совершают скачки через десятилетия, даже века, от одного исторического момента к другому, и конструируют миф о невинности и угрозе. Они отыскивают в прошлом угрозы и ответ на них, придумывают циклическую модель и воплощают ее в настоящем, организуя кризис и провоцируя скандалы.

У проводников “политики предопределенности” и “политики вечности” собственная пропагандистская манера. Первые плетут из фактов сеть комфорта. Вторые отвергают факты, а с ними и действительность, в которой граждане других государств богаче и свободнее, а также представление о том, что, имея знания, можно подготовить реформы. Много из происходившего в 2010-х годах – плод политических домыслов и преувеличений, отвлекающих внимание и мешающих серьезному осмыслению. Но какое бы ни оказывала влияние пропаганда на современников, это не окончательный приговор истории. Если мы хотим, то мы в состоянии провести различие между памятью, нашими впечатлениями – и историей, нашими связями.

В этой книге я попытаюсь вернуть наше настоящее в историческое время и, следовательно, отвоевать для политики историческое время. Для этого нужно теперь, когда подвергается сомнению сама фактуальность, попытаться осмыслить ряд взаимосвязанных событий нашей собственной новейшей истории, произошедших от России до США. Российское вторжение на Украину (2014) для ЕС и США явилось тестом на адекватное восприятие реальности. Многие европейцы и американцы сочли более удобным последовать за призраками российской пропаганды, а не встать на защиту правопорядка. Европейцы и американцы тратили время на выяснение того, имеет ли место вторжение, является ли Украина государством и заслуживает ли она, чтобы ее захватили. В результате открылась уязвимость ЕС и США, которой вскоре воспользовалась Россия.

История как наука началась с противодействия военной пропаганде. Фукидид в “Истории Пелопонесской войны” – первом известном историческом сочинении – дотошно отделил похвалу вождей от подлинной подоплеки их поступков. В наше время, когда растущее неравенство поощряет политическое мифотворчество, жанр журналистских расследований приобретает все большее значение. Его возрождение пришлось на время российского вторжения на Украину, когда отважные журналисты делали репортажи, подвергаясь опасности. В России и Украине внимание журналистов фокусировалось на проблемах клептократии и коррупции. Затем репортеры отправились на войну.

То, что произошло в России, может случиться и в Америке и Европе: закрепление вопиющего неравенства, подмена политики пропагандой, переход от “политики предопределенности” к “политике вечности”. Российские лидеры смогли увлечь европейцев и американцев в “вечность” потому, что Россия добралась туда первой. Российские лидеры знали слабые места американцев и европейцев, поскольку прежде отыскивали их у своих соотечественников и воспользовались ими.

Для многих европейцев и американцев события 2010-х годов – расцвет антидемократической политики, поход России против Европы и вторжение на Украину, референдум в Великобритании о выходе страны из ЕС, избрание Трампа президентом США – стали неожиданными. Американцы, как правило, реагируют на неожиданное событие либо представляя, что его вовсе не было, либо заключая, что оно не имеет прецедентов и, следовательно, не поддается историческому осмыслению. (Или все устроится само, или все настолько плохо, что ничего

нельзя поделаться.) Первая реакция – защитный механизм “политики предопределенности”. Вторая – треск, который издает “предопределенность” перед тем как рассыпаться и уступить место “вечности”. “Политика предопределенности” ослабляет гражданскую сознательность, а сталкиваясь с серьезным испытанием, схлопывается в “политику вечности”. Когда пророссийски настроенный кандидат стал президентом США, американцы отреагировали именно так.

В 1990–2000-х годах Запад оказывал влияние на Восток через распространение экономических и политических моделей, английского языка, расширение ЕС и НАТО. Одновременно бесконтрольный американский и европейский капитализм увлек богатых россиян в сферу, где сходятся Восток с Западом: сферу офшорных банковских счетов, подставных компаний и анонимных сделок, с помощью которых легализуется похищенное у российского народа. Отчасти поэтому в 2010-х годах, когда офшоры – сами по себе исключение – превратились в правило, а российская политическая фикция вышла за границы страны, Запад подпал под влияние Востока. Фукидид определял олигархию как власть немногих и противопоставлял ее демократии. По Аристотелю, олигархия – это власть немногих *богатых*. В 1990-х годах слово “олигархия” в этом значении вошло в русский язык, а в 2010-х годах и в английский – и не без основания.

Понятия и приемы с Востока стали экспортироваться на Запад. Примером может служить понятие “фейк” (“фейковые новости” и т. д.). Оно кажется американским изобретением, и Дональд Трамп даже приписывал себе его авторство, однако это понятие бытовало в России и Украине задолго до своей американской карьеры. “Фейк” – это сочинение, публикуемое под видом журналистского текста, чтобы ввести публику в заблуждение относительно некоего события и подорвать доверие к журналистам. Сначала адепты “политики вечности” распространяют фейковые новости, затем заявляют, что все новости есть ложь, и наконец, – что реальны лишь организованные ими зрелища. Российская кампания с целью утопить международную общественную дискуссию в вымысле началась в 2014 году на Украине. Год спустя она распространилась на США. В 2016 году россияне помогли американцам избрать президента. Приемы использованы те же самые, хотя со временем они совершенствовались.

В 2010-х годах российское государство превратилось в клептократию, стремящуюся к экспорту “политики вечности”, чтобы подорвать фактуальность, укрепить неравенство и усилить соответствующие тенденции в Европе и США. Это хорошо заметно на Украине, где Россия вела войну, одновременно наращивая усилия по развалу ЕС и США. Советником первого пророссийски настроенного кандидата в президенты США был советник последнего пророссийски настроенного президента Украины. Российская тактика, оказавшаяся неэффективной на Украине, принесла успех в Америке. Спрятанные российскими и украинскими олигархами деньги послужили к выгоде кандидата в президенты США. Это все та же история: история текущего момента, история нашего выбора.

Может ли история быть актуальной? Афиняне воевали со спартанцами более двух тысячелетий назад, и потому мы считаем события, изложенные в “Истории Пелопонесской войны”, древней историей. Однако Фукидид описал то, что он сам пережил. Фукидид говорил о прошлом тогда, когда это было необходимо ему для объяснения настоящего. В этой книге я почтительно следую его подходу.

Я погружаюсь в российскую, украинскую, европейскую и американскую историю, если это нужно для того, чтобы разъяснить насущные политические проблемы и развеять некоторые окружающие их мифы. Я опираюсь на первоисточники в разных странах и ищу закономерности и принципы, способные помочь в осмыслении современности. Языки первоисточников – русский, украинский, польский, немецкий, французский, английский – стали не только инструментами исследования, но и данными опыта. За годы работы над книгой я изучил материалы российских, украинских, европейских и американских СМИ, посетил многие места, о которых

идет речь, и в ряде случаев могу сравнить изложение событий с собственным опытом и опытом тех, с кем я лично знаком. В каждой главе я заостряю внимание на определенном событии и годе: возрождении тоталитарного дискурса (2011), крахе демократической политики в России (2012), российской агрессии против Европейского Союза (2013), революции на Украине и последовавшем российском вторжении (2014), распространении политической фикции в России, Европе и Америке (2015), избрании Дональда Трампа президентом США (2016).

Сторонники “политики предопределенности”, настаивающие, будто политические основы неизменны, сеют неуверенность в том, каковы в действительности эти основы. Если мы считаем будущее естественным порождением хорошего политического строя, то нет и нужды знать, каков этот строй, чем именно хорош, почему он устойчив и как его можно усовершенствовать. История может и должна быть осмыслена с политических позиций – в том смысле, что она открывает пространство между “предопределенностью” и “вечностью”, удерживая нас от дрейфа от одной к другой и помогая понять, когда именно мы способны изменить положение.

Когда мы расстаемся с “предопределенностью” и сталкиваемся с “вечностью”, знание о распаде может послужить нам руководством по ремонту. Размывание основ покажет, что сохраняет устойчивость, что можно укрепить или перестроить, что должно быть переосмыслено. Поскольку понимание облекает силой, в названиях глав я предложил варианты: индивидуализм или тоталитаризм, сменяемость власти или крах, интеграция или империя, обновление или вечность, истина или ложь, равенство или олигархия. Таким образом, индивидуализм, прочность, кооперация, стремление к новому, честность и справедливость выступают политическими добродетелями. Эти качества – не только трюизмы или предпочтения, но и (подобно материальным силам) исторические факты. Добродетели неотделимы от институтов, которые они вдохновляют и питают.

Институт должен прививать определенные этические представления. В то же время сам институт зависит от таких представлений. Чтобы институты процветали, они нуждаются в добродетелях. Для культивирования добродетелей нужны институты. Этический вопрос – что есть добро и зло в общественной жизни – невозможно отделить от исторического исследования ее устройства. “Политика предопределенности” и “политика вечности” изображают добродетели ненужными и даже смешными. “Предопределенность” настаивает, что добро существует и распространяется понятным и предсказуемым образом, а “вечность” уверяет нас, что зло – всегда нечто внешнее по отношению к нам, что мы – всегда невинные его жертвы.

Если мы хотим получить более полное представление о добре и зле, нам придется реанимировать историю.

Глава 1. 2011 год: индивидуализм или тоталитаризм?

*Ведь закон хранит страну, а беззаконие губит.
“Сага о Ньяле”, около 1280 года¹*

*Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном
положении.
Карл Шмитт, 1922 год²*

Идея “политики предопределенности” в том, что идей нет. Те, кто находится под влиянием “политики предопределенности”, отрицают, что идеи важны, и это лишь доказывает, что они во власти могущественной идеи. На флаге “политики предопределенности” написано: альтернатив не существует. А согласиться с этим – значит отвергнуть личную ответственность за способность видеть историю и творить перемены. Жизнь превращается в неосознаваемый путь к заранее выбранному и оплаченному месту на кладбище.

“Вечность” восстает из “предопределенности”, как дух из склепа. Капиталистический вариант “политики предопределенности” (рыночная экономика – это заменитель политики) порождает экономическое неравенство, подрывающее веру в прогресс. Когда социальные лифты застревают, “предопределенность” сменяется “вечностью”, а демократия уступает место олигархии. Олигарх рассказывает небылицы о беспорочном прошлом (может быть, вооружившись фашистскими идеями) и предлагает фиктивную защиту действительно страдающим людям. Вера в то, что техника и технология служат делу освобождения, облегчает ему исполнение этой роли. По мере того, как сосредоточенность уступает место рассеянности, будущее растворяется в печали касательно настоящего, а “вечность” превращается в обыденность. Олигарх из вымышленного мира переходит в настоящую политику и правит, прикрываясь мифом и провоцируя кризис. В 2010-х годах один из таких людей, Владимир Путин, помог другому – Дональду Трампу – пройти путь от фикции до реальной власти.

Россия первой пришла к “политике вечности”, и, экспортируя ее за рубеж, российские лидеры защищают себя и оберегают свое богатство. Олигарх-аншеф Владимир Путин выбрал себе в учителя философа-фашиста Ивана Ильина. Чеслав Милош в 1953 году писал, что “лишь в середине XX века жители многих европейских стран пришли – как правило, через страдание – к пониманию, что сложные, трудные философские книги прямо влияют на их судьбу”. Иван Ильин – автор некоторых из имеющих теперь большой вес философских книг. Воскрешение в 1990–2000-х годах российскими властями умершего в 1954 году Ильина вернуло в оборот его книги. Именно в то время фашизм, взятый на вооружение олигархами, помог лидерам страны совершить поворот от “предопределенности” к “вечности”.

Современный Ильину фашизм 1920–30-х годов обладал тремя характерными признаками. Он превозносил волю и насилие над разумом и правом, он утверждал мистическую связь вождя со своим народом и усматривал в глобализации не комплекс проблем, а заговор. Возрожденный в виде “политики вечности” фашизм теперь, в условиях неравенства, выступает катализатором перехода олигархов от общественной дискуссии к политической фикции, от конструктивного голосования – к имитации демократического процесса, от верховенства права – к персоналистскому режиму.

История никогда не заканчивается, и альтернативы имеются всегда. Ильин – одна из таких альтернатив. Но он – не единственный заметный мыслитель-фашист, воскрешенный

¹ Пер. С. Кацнельсона. – Прим. пер.

² Пер. Ю. Коринца. – Прим. пер.

нашими современниками. Он проводник на темном пути к несвободе, ведущем от “предопределенности” к “вечности”. Ознакомившись с идеями Ильина и оценив масштаб его влияния, мы сможем окинуть взглядом дорогу, рассмотреть фонари и съезды с нее. Это и означает мыслить исторически: задаться вопросом, какое значение для настоящего могут иметь идеи минувших эпох; сопоставить этап глобализации, современником которого был Ильин, с нынешним этапом; усвоить, что и сейчас, и в прошлом возможны варианты – причем их больше двух. Покров “предопределенности” естественным образом сменяется пеленой “вечности”, но прежде чем эта пелена накроет нас, мы должны найти альтернативы. Выбирая “вечность”, мы жертвуем индивидуальностью и более не видим вариантов. “Вечность” – идея, подразумевающая, что идей нет.

В 1991 году, когда распался СССР, американские адепты “политики предопределенности” провозгласили наступление “конца истории”. Тогда же некоторые россияне, взывающие новых авторитетов, обратились к имперскому прошлому своей страны. Основанный в 1922 году Советский Союз унаследовал большую часть территории Российской империи. Царские владения тянулись от центра Европы до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Хотя в начале XX века население страны по-прежнему состояло в основном из крестьян и кочевников, российский средний класс и интеллигенция размышляли, как модернизировать управляемое самодержцем государство и сделать его справедливее.

Родившийся в 1883 году в дворянской семье Иван Ильин в молодости был типичным представителем своего поколения. В начале 1900-х годов он желал видеть Россию правовым государством. После Первой мировой войны и большевистской революции (1917) Ильин стал воинствующим контрреволюционером, а со временем и автором доктрины противопоставленного большевизму христианского фашизма. В 1922 году, за несколько месяцев до образования СССР, Ильина выслали из России [на “философском пароходе”]. Работая в Берлине, Ильин предложил врагам СССР план действий. Эти люди, “белые”, вели с “красными” долгую кровавую войну, а после поражения, подобно Ильину, отправились в политическую эмиграцию. Впоследствии Ильин видел в своих работах программу для российских лидеров, которые получат власть после распада СССР. Ильин умер в 1954 году в Швейцарии.

После 1991 года, когда на развалинах СССР появилась Российская Федерация, был переиздан сборник Ильина “Наши задачи”, началась публикация собрания сочинений, а его доктрина приобрела влиятельных сторонников. В 2005 году Путин поручил организовать перезахоронение в Москве праха умершего в неизвестности философа, а в 2006 году велел добыть архив Ильина, после его смерти попавший в Мичиганский университет. К тому времени Путин уже процитировал Ильина в ежегодном послании Федеральному собранию, сочиненном им самим. В 2010-х годах Путин, объясняя, почему Россия покушается на целостность Европейского Союза и напала на Украину, ссылаясь на авторитет Ильина. Когда Путина попросили назвать любимого историка, он назвал Ильина своим авторитетом в исторических вопросах.

Российский политический класс последовал примеру Путина. Ведущий пропагандист Владислав Сурков применил идеи Ильина к миру современных СМИ. Сурков спланировал восхождение Путина и руководил монополизацией рынка СМИ, что обеспечило Путину с виду вечное пребывание у власти. Дмитрий Медведев, формально возглавляющий путинскую партию, порекомендовал Ильина к изучению молодежи. Имя Ильина теперь было на устах лидеров псевдооппозиционных КПРФ и ЛДПР – участвующих, как и советовал Ильин, в поддержании видимости демократии. Ильина цитировал председатель Конституционного суда – несмотря на то, что философ понимал закон как любовь к вождю. Ильина упоминали губернаторы, когда Россия стала милым его сердцу сверхцентрализованным государством. В начале 2014 года члены правящей партии и чиновники получили от Кремля сборник политических работ Ильина. В 2017 году российское ТВ отметило столетнюю годовщину большевистской революции показом фильма, авторы которого изобразили Ильина моральным авторитетом.

Ильин, идеолог “политики вечности”, приобрел большое влияние в 1990–2000-х годах, когда в России потерпел крах капиталистический вариант “политики предопределенности”. В 2010-х годах – когда российское государство превратилось в клептократию, а неравенство приобрело ошеломительные масштабы – влияние философа достигло максимума. Российская кампания против США и ЕС обнажила некоторые политические добродетели, которыми Ильин пренебрегал или которые отвергал. В их числе – индивидуализм, сменяемость власти, интеграция, стремление к новому, стремление к истине, равенство.

Впервые Ильин познакомил соотечественников со своими идеями век назад, после революции 1917 года. И все же он стал философом нашего времени. Еще ни одного мыслителя прошлого столетия не реабилитировали с такой помпой в XXI веке, ни один из них не приобрел такое влияние на мировую политику. И если это осталось незамеченным, то лишь оттого, что мы в плену у “предопределенности”: ведь мы считаем, что идеи не имеют значения. Мыслить исторически – значит признавать, что незнакомое может быть важным, и стараться сделать незнакомое знакомым.

Наша “политика предопределенности” повторяет ту, современником которой был Ильин. И период с конца 1980-х до начала 2010 годов, и период с конца 1880-х до начала 1910-х годов были временем глобализации. Считалось тогда и считается теперь, что экономическое развитие, стимулируемое экспортом, принесет просвещенную политику и покончит с фанатизмом. Первая мировая война и последовавшие за ней революции и контрреволюции подорвали оптимизм. Сам Ильин – один из первых примеров этой тенденции. В молодости он выступал за верховенство права, а позднее перешел в стан правых радикалов, одновременно восхищаясь приемами радикалов левых. Вскоре после высылки Ильина из России бывший социалист Бенито Муссолини повел своих сторонников-фашистов в “поход на Рим”. Философ счел дуче надеждой для растленного мира.

Ильин считал фашизм политикой будущего. В 1920-х годах, в изгнании, его беспокоило то, что итальянцы пришли к фашизму прежде русских, но он утешался мыслью, будто Муссолини вдохновило белое движение, которое “в целом гораздо шире [итальянского] фашизма и по существу глубже фашизма”. Своей “глубиной” и “широтой” фашизм, по Ильину, обязан христианству того рода, которое требует пролития крови врагов Господа. Ильин, считавший в 1920-х годах, что белые эмигранты еще способны вернуть себе власть в России, обращался к ним: “мои белые братья, фашисты”.

Столь же сильное впечатление на Ильина произвел Адольф Гитлер. Хотя Ильин ездил в Италию и отдыхал в Швейцарии, в 1922–1938 годах его домом был Берлин. Там он трудился в [Русском] институте, который финансировало [германское] правительство. Матерью Ильина была немка. Он читал книги Зигмунда Фрейда на языке оригинала, изучал немецкую философию и писал по-немецки столь же хорошо, как и по-русски. Работа его в институте заключалась в редактировании и сочинении критических работ о советской политике (например, “Мир перед пропастью” по-немецки и “Яд большевизма” по-русски, 1931). Ильин видел в Гитлере защитника цивилизации от большевиков. Немецкий фюрер, писал он, “остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе”. Ильин с одобрением отмечал, что антисемитизм Гитлера проистекает из идеологии русского белого движения, и жаловался, что “Европа не понимает национал-социалистического движения”. Нацизм – прежде всего “дух”, которого русские должны причаститься.

В 1938 году Ильин переехал в Швейцарию (где и умер в 1954 году). Ему помогала деньгами супруга американского бизнесмена немецкого происхождения. Кроме того, Ильин зарабатывал лекциями на немецком языке. Их суть, по выражению швейцарского ученого, заключалась в том, что в России следует видеть источник не коммунистической угрозы, как теперь, а будущего христианского спасения. По Ильину, растленный Запад навязал невинной России

коммунизм, но однажды она, вооружившись христианским фашизмом, освободит и себя, и других. Швейцарский рецензент назвал книги Ильина “национальными в том отношении, что он противопоставляет себя всему Западу”.

После начала Второй мировой войны политические воззрения Ильина не изменились. В Швейцарии он поддерживал связи с ультраправыми. Рудольф Гроб считал, что Швейцарии следует подражать нацистской Германии. Теофил Сперри принадлежал к группе, которая преследовала евреев и масонов. Альберт Ридвег был правым адвокатом. Его брат Франц стал самым высокопоставленным швейцарцем в нацистском аппарате уничтожения, женился на дочери германского военного министра [Вернера фон Бломберга] и вступил в войска СС. Он участвовал в нападении на Польшу, Францию и СССР. (Последнее событие Ильин считал судом над большевизмом, в ходе которого нацисты должны освободить русских.)

В 1945 году, когда СССР победил и расширил свои владения, Ильин начал писать для будущих поколений русских. Он считал свою работу неярким огнем в темной ночи. С помощью этого огня российские лидеры в 2010-х годах устроили пожар.

Ивана Ильина отличало постоянство. Его первый крупный философский труд, напечатанный по-русски в 1916 году, стал одновременно и последним его крупным философским трудом, изданным по-немецки в 1946 году.

По Ильину, единственным благом являлась предшествовавшая сотворению мира божественная “всеобщность”, “тотальность”, “цельность”. Когда Бог создал мир, единая истина (которой был он сам) раскололась. Ильин делил мир на категориальный (утраченное царство глубокой “всеобщности”) и исторический (человеческий мир конечного, единичного и чувственного). Согласно Ильину, трагедия бытия заключается в том, что из фактов нельзя восстановить божественную всеобщность, а по человеческим страстям и влечениям нельзя судить о божественном замысле. Румынский мыслитель Э. М. Чоран (одно время сам апологет христианского фашизма) объяснял: прежде истории Бог вечен, совершенен, но когда Бог начинает историю, он кажется “буйным, совершает одну ошибку за другой”. Ильин выразился так: “Погружение Божества в эмпирическое существование сделало то, что жизнь его утратила свое единство, свою логическую разумность и свою органическую целесообразность”.

С точки зрения Ильина, наш мир с фактами и страстями бессмыслен: “мир чувственного бытия” не может быть “оправдан”. Чувственное – это зло. Бог, создавая мир, ошибся. Он поддался “романтическому” порыву и создал нас, движимых половым влечением. Поэтому “романтическое содержание одерживает верх над рационалистической формой”, а мысль уступает место немисии и физической любви. Бог оставляет нас с “духовным релятивизмом”.

Порицая Бога, Ильин выводит вперед философию, точнее – философа, еще точнее – самого себя. Он хранит образ божественной “всеобщности”, предшествовавшей сотворению мира, и желает указать, как ее восстановить. Уводя с подмостков Бога, Ильин сам берется судить о сущем и должном. Есть божественный мир, его нужно спасать, и этот священный труд возложен на тех, кто уяснил – благодаря книгам Ильина – свое бедственное положение.

Это тоталитарный взгляд. Нам следует стремиться к такому состоянию, когда мы станем мыслить и чувствовать одинаково, то есть вовсе не будем мыслить и чувствовать. Мы должны перестать быть личностями. “Зло начинается там, – писал Ильин, – где начинается человек”. Само по себе существование единичного указывает на то, что мир порочен: “Эмпирическая разделенность единичностей есть неверное, не окончательное, метафизически не истинное состояние мира”. Ильин презирал средний класс, гражданское общество и частную жизнь, которые, как он считал, мешают восстановить “истинный порядок и строй бытия”. А слой, который предлагает улучшение жизни, по Ильину, “образует низшую ступень социального бытия”.

“Политика вечности”, как и всякий случай бессмертия, начинается с установления собственной исключительности: все, что ни есть – это зло, кроме меня самого и моей группы, поскольку я есть я, а эта группа – моя. И пусть всех остальных сбивают с толку, околдовывают исторические факты и страсти: мой народ блюдет внеисторическую невинность. Поскольку добро незримо и заключено в нас, единственный образ наших действий состоит в защите невинности, и здесь мы не постоим за ценой. Адепты “политики вечности” не собираются жить дольше, счастливее или плодотворнее. Они усматривают в страдании признак праведности, если считают, что остальные страдают еще сильнее. Жизнь отвратительна, жестока и коротка. Удовольствие от жизни сводится к тому, что жизнь других можно сделать еще короче, беднее, лютее и отвратительнее.

Для России и русских Ильин сделал исключение. Присущая русским невинность не очевидна остальному миру, и для спасения нужно видеть Россию не такой, какой она выглядит. Поскольку реальность – лишь обломки мира, подлинное видение предполагает созерцание незримого. Корнелиу Зея Кодряну, основатель родственного румынского фашизма, утверждавший, что в тюрьме его навестил архангел Михаил, изложил свое видение в нескольких строчках. Ильину потребовалось несколько книг, чтобы рассказать о своих взглядах, но все они сводятся к тому, что русский народ добродетелен; чистота этого представления важнее всего, что в действительности делают русские. Народ без греха – вот что видит ослепивший себя философ.

Нevinность принимает особую биологическую форму. Ильину грезилось девственное тело России. Подобно фашистам той эпохи и другим поклонникам авторитаризма, Ильин был убежден, что русский народ сродни живому существу, животному в раю без первородного греха. Люди же, принадлежащие к этому “единому живому организму”, несамостоятельны – как и клетки, принадлежащие организму. Русская культура, писал Ильин, автоматически порождает “братское единение” везде, где бы ни распространилась власть русских. Ильин брал слово *украинцы* в кавычки, поскольку отрицал их самостоятельное, вне российского организма, существование. Рассуждать об Украине – означает быть заклятым врагом России. Ильин считал само собой разумеющимся, что Украина окажется и в составе постсоветской России.

По мысли Ильина, советская власть сконцентрировала в одном месте всю дьявольскую энергию фактуальности и страстей. При этом, по его мнению, триумф коммунистических идей показал: Россия скорее невинна, чем развращена. Коммунизм – иностранный соблазн, делающий из русских “интернациональных ‘Тарзанов’”. Иноземцы жаждут разлить непорочную Россию именно потому, что она наивна и беззащитна. В 1917 году русские попросту оказались слишком добры для того, чтобы сопротивляться принесенному с Запада грузу греха. Несмотря на бесчинства советских вождей, русские сохранили не очевидную всем остальным чистоту. В отличие от Европы и Америки, принимающих за жизнь факты и страсти, Россия сохранила “дух”, след божественной всеобщности. “Народ не Бог, – писал Ильин, – но силы его духа – от Бога”.

Когда Бог создавал мир, Россия каким-то образом миновала историю и осталась в вечности. Следовательно, она вне течения времени, вне “произвола и усмотрения”, которые Ильин считал недопустимыми. По его мысли, бытие России циклично и включает угрозы и защиту от них. Все происходящее со страной – это или нападение иноземцев на невинную Россию, или ее оправданный отпор. В эту схему Ильин (слабо знавший русскую историю) с легкостью уложил целые столетия. Покорение севера Азии и половины Европы Ильин считал “самообороной”. По Ильину, все без исключения войны, которые вели русские, были оборонительными. Россия – всегда жертва “континентальной блокады” со стороны Европы. Ильин считал, что русский народ после обращения в христианство почти тысячу лет терпел исторические муки. Россия не делает ничего дурного. Зло – лишь то, что делают России. Факты не имеют значения. Ответственность снимается.

До большевистской революции Ильин изучал право и верил в прогресс. После 1917 года все показалось возможным и дозволенным. Творимое ультралевыми беззаконие, считал Ильин, должен превзойти еще больший произвол ультраправых. Позднее, в зрелых работах, Ильин изображал беззаконие добродетелью патриотов. “Фашизм, – писал он, – есть спасительный эксцесс патриотического произвола”. Слово “произвол” всегда ненавидели российские реформаторы. Считая произвол явлением патриотическим, Ильин отвергает реформы на основе права и объявляет, что политика отныне должна следовать прихотям единоличного правителя.

Употребление Ильиным слова “спасительный” придает политике глубокий религиозный смысл. Ильин, как и другие фашисты (например, Адольф Гитлер в “Моей борьбе”), искажает в своих целях христианские концепции жертвенности и искупления. Гитлер утверждал: избавив мир от евреев, он возвратит далекого Бога. “Ныне я уверен, что действую вполне в духе Творца Всемогущего, – рассуждал Гитлер. – Борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие”. Русское слово “спасительный” православные обычно употребляют применительно к искуплению Иисусом на Голгофе грехов верующих. Ильин имел в виду, что России необходим спаситель, который на пути к власти прольет чужую кровь и так совершит жертвоприношение. Фашистский переворот станет актом спасения, первым шагом к возвращению божественной всеобщности.

Тем, кто спасает порочный мир, следует игнорировать то, что говорил о любви сам Бог. Христос наставлял учеников: наиважнейший (после любви к Богу) закон есть любовь к ближнему. В притче о добром самарянине Иисус обращается к книге Левит 19:33–34: “Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской”. Для Ильина нет “ближних”. Личность безнравственна и преходяща, и единственная имеющая значение связь – это утраченная божественная всеобщность. И, поскольку мир несовершенен, любовь к Богу подразумевает непрерывную борьбу “с врагами дела божия на земле”. Заниматься чем угодно, кроме участия в этой войне – значит вершить зло: “Тот, кто против рыцарственной борьбы с дьяволом, тот за дьявола”. Вера означает войну: “Моя молитва как меч; мой меч как молитва”.

Поскольку мир греховен и Бог в нем отсутствует, спаситель должен явиться откуда-то вне истории. “К сильному человеку, – воображал Ильин, – власть идет сама”. В таком человеке русские признают своего спасителя и примут “волю и закон от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть”. Спаситель отринет факты и окружит себя мифами. Сняв с русского народа бремя страстей, он претворит “дурную эмпирию” в единство. Вождь должен быть волевым и мужественным человеком, как Муссолини. Он “закаляется в деловом служении, волевым, мужественным, национально верным. Он одержим духом Целого, а не частным, не личным, не партийным. Он сам стоит и сам идет, потому что он политически дальнорочек и знает, что надо делать”. Русские склонятся перед “живым органом России, орудием ее национального самоспасения”.

Спаситель устраняет фактуальность, упорядочивает страсти и культивирует миф, направляя насилие против избранного им врага. Фашист презирает всякую политику “снизу” (предпочтения и интересы людей, их представления о будущем, права и т. д.). Фашизм начинается с определения не того, что в границах, а с исключения того, что вне их. Окружающий мир служит диктатору источником материала для образа врага. Ильин (вслед за нацистским правоведом Карлом Шмиттом) определял политику как “искусство узнавать и обезвреживать врага” и начал свою статью “О расчленителях России” так: “У национальной России есть враги”. Порочный мир противостоит России – единственному источнику божественной всеобщности.

У спасителя есть обязанность вести войну и право выбирать, с кем именно воевать. Ильин считал войну справедливой, если под угрозой оказывается дух народа (и так будет до тех пор,

пока не будет покончено с индивидуальностью). Воевать с врагами Господа – значит демонстрировать непорочность. Воевать (а не любить) – надлежащее проявление страсти, поскольку это защищает национальный организм. В 1930-х годах румынские фашисты пели о “груди, закованной в железо” и “лилейно-белой душе”. Направляя других к кровопролитию, спаситель переключает всю сексуальную энергию России на себя и освобождает ее. Война – это “эксцесс”, мистическое соединение непорочного народного организма и нездешнего спасителя. Подлинная “страсть” – это фашистское насилие, а поднятый меч – это одновременно коленопреклонение на литургии.

“Все начинается с мистики и заканчивается политикой”, – напомнил нам поэт Шарль Пеги. Размышления Ильина о Боге, сексе и истине век спустя стали кремлевской догмой и оправданием войны с Украиной, ЕС и США.

Разрушать всегда легче, чем созидать. Ильин затруднился определить форму организации власти в возрожденной России, и нерешенные им проблемы не дают покоя нынешним российским лидерам. Главная проблема – это устойчивость российского государства. Правовые институты, допускающие смену власти, позволяют гражданам вообразить такое будущее, в котором правители приходят и уходят, а государство остается. Суть фашизма, однако, – в сакральной и вечной связи спасителя со своим народом. Фашист видит в институтах и праве порочные препятствия между вождем и народом, которые нужно обойти или смести.

Ильин пытался вообразить политическую систему России будущего, но не сумел выйти из замкнутого круга. Тогда он, решив эту проблему семантически, выдал личность спасителя за институт. Спаситель (“государь”, “глава государства”, “демократический диктатор”, “национальный диктатор” – наименования, напоминающие титулы фашистских лидеров 1920–30-х годов) должен осуществлять все исполнительные, законодательные и судебные функции, быть главнокомандующим вооруженными силами. Государство станет централизованным, а не федеративным. При этом оно не будет однопартийным, как фашистские режимы 1930-х годов: и одной партии чересчур много. России предстоит стать беспартийным государством. По Ильину, партии понадобятся лишь для того, чтобы помочь ритуализировать выборы.

Разрешить россиянам свободно голосовать, считал Ильин, подобно разрешению эмбрионам выбирать, к какому виду они желают принадлежать. Тайное голосование позволяет гражданам считать себя личностями и так утверждает порочную суть мира. Поскольку “принцип демократии есть безответственный человеческий атом”, индивидуальность должна быть преодолена политической традицией, пробуждающей и поддерживающей любовь россиян к своему спасителю. Далее, “надо отказаться от механического и арифметического понимания политики”, а также “слепой веры в количество собранных голосов и в его политическое значение”. Выборы должны стать знаком всеобщего подчинения. Голосование должно быть открытым, а бюллетени – подписаны.

Воображенное Ильиным общество – это корпоративная форма, в которой каждый индивид и каждая группа займет указанное место. Не будет различий между государством и обществом, а будет “органически-духовное единение правительства с народом и народа с правительством”. Спаситель в одиночестве воссядет на вершине, а средний класс будет повержен в прах. Собственно, средний класс потому и *средний*, что сквозь этот слой люди поднимаются и опускаются. Помещать его в основание пирамиды – значит оправдывать неравенство. Социальная мобильность в государстве Ильина исключена.

Таким образом, намеченная фашистом Ильиным программа допускает и оправдывает олигархию, власть немногих богачей – что мы и наблюдаем в 2010-х годах в России. Если цель государства состоит в том, чтобы оберегать богатство спасителя и его друзей, то верховенство права немислимо. Без верховенства права трудно зарабатывать деньги, позволяющие жить лучше. Без социальных лифтов невозможно вести речь о будущем. Слабость государственной

политики трансформируется в мистическую связь вождя с народом. Вождь не управляет: он организует кризис и обеспечивает зрелище. Право – уже не свод безличных норм, допускающих продвижение по социальной лестнице. Законы нацелены на сохранение статус-кво и закрепляют право гражданина наблюдать и обязанность развлекаться.

Ильин употреблял понятия “закон”, “право”, но не принимал верховенство права. Под законом он подразумевал соотнесение капризов спасителя с покорностью всех остальных. Подчеркну: нарождающейся олигархии оказалась полезной фашистская идея. Долг любящего населения предполагал восприятие всякой прихоти спасителя как правовое обязательство (не взаимное, разумеется). Особый душевный склад позволяет русским игнорировать доводы рас-судка и видеть “оком сердца”. Россияне во главе со спасителем осознают “глубокую всеобщность, которая едина для всех людей, состоящих в общественном сожительстве”.

Русскому народу, призванному на вечную войну с духовными угрозами, подчинение возникшему из мифа самодержцу придает исключительность. Спасителю предстоит взять на себя задачу избавить народ от фактов и страстей, сделав бессмысленным всякое желание видеть, чувствовать и изменять мир. Место каждого россиянина в “корпоративном государстве” окажется строго определенным, как и место клетки в живом организме, и индивид будет усматривать в этой неподвижности свободу. Россияне сплотятся вокруг своего спасителя, их грехи будут смыты чужой кровью, и Бог вернется в мир. Христианско-фашистский тоталитаризм приглашает Бога возвратиться и помочь России повсюду покончить с историей.

Ильин отводил этому человеку из плоти и крови роль Христа, которому придется нарушать законы любви во имя Божие. Таким образом, Ильин стирает границу между человеческим и нечеловеческим, между возможным и невозможным. В фантазии о вечно невинной России присутствует вечно невинный спаситель, который не совершает зла и потому бессмертен. Ильин не смог ответить на вопрос, кто придет на смену спасителю, ведь это значило бы признать его человеком, подверженным старению и обреченным на смерть, то есть частью неидеальной вселенной. Ильин не имел ни малейшего понятия, как после его гибели сохранится российское государство.

Страх перед будущим – малоприятное ощущение, которое в форме внешней политики можно передать другим. Настоящий враг тоталитаризма – сам тоталитаризм, и эту тайну он оберегает, нападая на других.

В 2010-х годах идеи Ильина оказались полезны миллиардерам постсоветской эпохи, и они обеспечили Ильину авторитет. Путин, его друзья и союзники приобрели в обход закона огромное богатство и перестроили государство так, чтобы удержать добытое. После этого российским лидерам пришлось переопределить политику, исходя не из деятельности, а просто из принадлежности. Идеология наподобие построений Ильина имеет своей целью объяснить, зачем некоторым людям нужны деньги и власть, если алчность и властолюбие здесь ни при чем. Какой же грабитель не захочет, чтобы его считали спасителем?

Для тех, кто рос в СССР в 1970-х годах, идеи Ильина оказались удобными по другой причине. Российским клептократам того поколения, правившим в 2010-х годах, был знаком этот образ мышления. Да, Ильин был противником советской власти, но его доводы пугающе похожи на доводы марксизма, ленинизма и сталинизма. Клептократы никоим образом не философы, но наставления времен молодости удивительно близки тем, к которым они прибегли в зрелом возрасте. И у Ильина, и у ненавистного ему марксизма один философский источник и один язык: гегельянство.

Гегель стремился устранить противоречия между должным и сущим. Мировой дух (нечто, в итоге объединяющее индивидуальные самосознания) развивается во времени, проходя через конфликты, которые определяют характер эпох. Взгляд Гегеля на наш несовершенный мир симпатичен: катастрофа – это признак прогресса. История – “бойня”, но кровопроли-

тие не бессмысленно. Это позволило философам выдавать себя за пророков, знатоков неявных закономерностей, ведущих к улучшению, судей, обреченных страдать теперь, чтобы остальные благоденствовали после. Если Мировой дух – единственное благо, то годится и всякое средство его воплощения.

Карл Маркс критиковал гегелевскую идею Мирowego духа. Как и другие левые гегельянцы, он считал, что так Гегель вводит в свою систему Бога. Абсолютное благо, указывал Маркс, – это не Бог, а утраченная человеком сущность. Да, история – это борьба, но ее смысл заключается в победе человека над обстоятельствами и в возвращении себе своей сущности. Возникновение техники, по Марксу, позволило одним господствовать над другими; так сложились классы. В капиталистическом обществе буржуазия, владеющая средствами производства, угнетает рабочие массы. Это угнетение демонстрирует трудящимся суть истории и революционизирует их. Пролетариат свергнет буржуазию, возьмет в свои руки средства производства и возвратит человеку его сущность. Без частной собственности, считал Маркс, люди станут совместно трудиться – и благоденствовать.

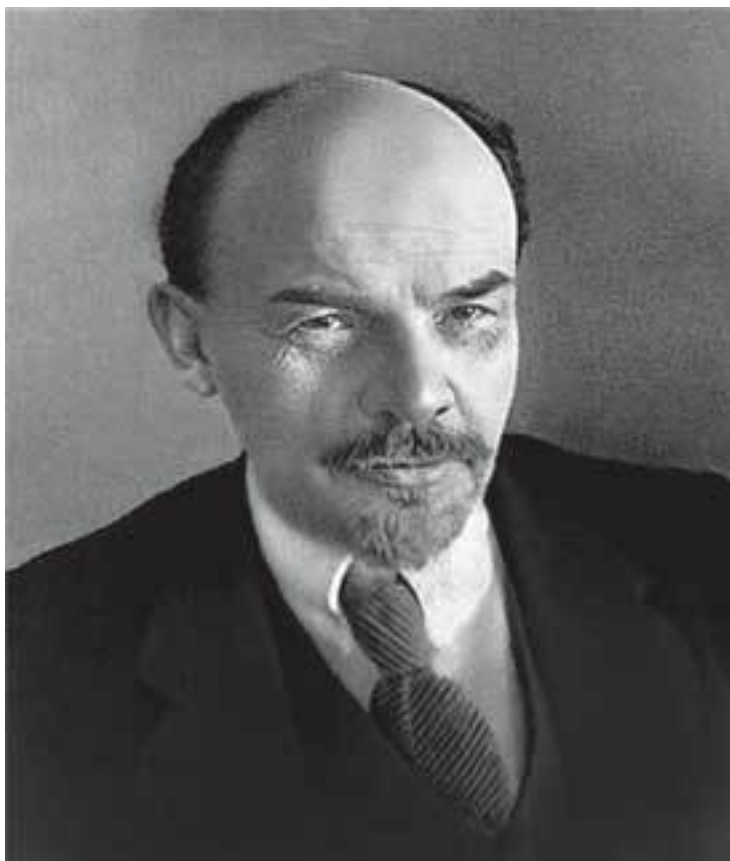
Ильин был правым гегельянцем. По его остроумному замечанию, Маркс не покинул даже “прихожей” гегельянства. Тем не менее Ильин соглашался, что под Мировым духом у Гегеля скрывается Божество. Ильин, как и Маркс, считал, что история началась с первородного греха, но совершенного не человеком, который придумал собственность (как думают марксисты), а самим Богом, создавшим мир. Ильин не стал, подобно левым гегельянкам, добивать Бога, а оставил его израненным и одиноким. Марксисты правы в том, что жизнь несчастна и беспорядочна, но не из-за техники и классовой борьбы: в созданном Богом мире неизбежно присутствуют хаос, зло и страдание. Факты и страсти можно согласовать не через революцию, а лишь через искупление. Согласованность возможна лишь в божественной всеобщности, которую восстановит избранный народ благодаря чуду, явленному спасителем.

Владимир Ленин (1870–1924) был главным марксистом: ведь он возглавил революцию, затеянную во имя философии. Ленин, член немногочисленной подпольной партии, считал, что организованная элита вправе “торопить” историю. И если единственное в мире благо – это возвращение человеку его сущности, то для тех, кто знает, как именно это сделать, допустимо ускорить процесс. Это соображение сделало возможной большевистскую революцию 1917 года. После этого Советским Союзом правила небольшая группа людей, черпавшая легитимность в особой “политике предопределенности”. Ленин и Ильин не были знакомы друг с другом – и при этом странно близки. Отчество Ленина – Ильич. Он пользовался псевдонимом “Ильин”. Подлинный же Ильин читал и критиковал некоторые работы Ленина. Когда ЧК арестовала Ильина, Ленин вмешался, чтобы выразить свое восхищение философией Ильина.

Ильин презирал революцию Ленина, но одобрял его готовность к насилию и волюнтаризм. Как и Ленин, Ильин считал, что России для указания целей и средств требуется философствующая элита (то есть он сам). Как и социалистическая утопия марксистов, божественная цельность, по Ильину, требует насильственной революции, точнее – насильственной контрреволюции. Другие русские философы усмотрели тут сходство. Николай Бердяев находил у Ильина “кошмар злого добра”. В 1925 году в рецензии на книгу Ильина Бердяев писал, что “«Чека» во имя Божье более отвратительно, чем «чека» во имя дьявола”. Это суждение оказалось пророческим: “В сущности, большевики вполне могут принять книгу И. Ильина, которая построена формально и мало раскрывает содержание добра. Большевики сознают себя носителями абсолютного добра и во имя его сопротивляются силой тому, что почитают злом”.

Взгляды стареющего в Германии и Швейцарии Ильина напоминали взгляды наследников Ленина. После 1924 года Иосиф Сталин сосредоточил власть в своих руках. Суждения Ильина о заразной порочности западной культуры в мельчайших деталях совпадали с суждениями сталинистов. Так, Ильин считал джазовую музыку заговором (“белая интеллигенция всех стран и народов танцует под негритянскую дудку”) с целью превращения европейских слушателей

в безмозглых танцоров, не способных к нормальному половому акту. Газета “Правда” напечатала удивительно похожее описание [М. Горьким] опыта прослушивания афроамериканской музыки: “Человек-жеребец, размахивающий огромным фаллосом”. Хотя Ильин вел хронику сталинского террора, его отношение к закону и праву по сути сходно с отношением тех, кого он считал преступниками. Андрей Вышинский, гособвинитель на сталинских показательных процессах, считал, что “революционная законность требует гибкого и, так сказать, свободного”, “творческого” отношения к закону. Будущим контрреволюционерам, по Ильину, следовало бы действовать именно так.

Владимир Ленин

Иван Ильин

Ильин надеялся, что СССР не переживет Вторую мировую войну, однако после нее видел Россию во многом так же, как Сталин. Последний называл Советский Союз “родиной социализма”, и если бы СССР погиб, то у коммунизма не было бы будущего, человечество лишилось бы единственной надежды. Поэтому любая мера, направленная на оборону Советского Союза, оправданна. Ильин считал Россию родиной Господа, которую нужно сохранить любой ценой, ведь только здесь может начаться восстановление божественной цельности. После войны Сталин отдавал предпочтение русскому народу (а не Украине, Белоруссии, Центральной Азии, Кавказу, десяткам народов СССР). Именно русские, по Сталину, спасли мир от фашизма. По Ильину, Россия спасет мир не *от*, а *с* помощью фашизма. В обоих случаях единственным носителем абсолютного добра выступает Россия, а вечным противником – растленный Запад.

Советский коммунизм был разновидностью “политики предопределенности”, уступившей “политике вечности”. С течением времени образ России как путеводной звезды для всего мира уступил место образу жертвы бессмысленной враждебности. Вначале у большевиков не было государства, они вершили революцию в надежде, что мир последует примеру России. Чуть позднее они взялись за государственное строительство, чтобы сымитировать капитализм и преодолеть его. В 1930-х годах сталинистский образ будущего оправдывал гибель миллионов людей от голода и около миллиона расстрелянных. Вторая мировая война изменила сценарий. С 1945 года Сталин, его сторонники и преемники утверждали, что избиение собственного населения в 1930-х годах было необходимо для разгрома немцев в 1940-х годах. Но если 1930-е годы подготовили 1940-е, то отдаленное социалистическое будущее здесь ни при чем. С окончанием Второй мировой войны началось сворачивание советской “политики предопределенности” и переход к “политике вечности”.

Экономическая политика Сталина (форсированная индустриализация за счет коллективизации сельского хозяйства) обеспечила социальную мобильность для двух – но не трех

– поколений граждан СССР. В 1950–60-х годах советские вожди перестали истреблять друг друга, и политика утратила динамичность. В 1970-х годах Леонид Брежнев, изобразив Вторую мировую войну апогеем советской истории, сделал логический шаг к “политике вечности”. Теперь граждан призывали смотреть не в будущее, а в прошлое, на победу их отцов и дедов в войне. Теперь Запад был противником не из-за капиталистического строя, который нужно было превзойти. Запад был враждебен, поскольку в 1941 году враг пришел с Запада. Родившихся в 1960–70-х годах граждан СССР воспитывали в духе преклонения перед прошлым, а Западу в этом культе отводилась роль вечной угрозы. Последние десятилетия коммунизма подготовили советских граждан к восприятию взглядов Ильина на мир.

Олигархам, пришедшим к власти после 1991 года, пришлось иметь дело с плановым производством при коммунистах, а следом – с идеями российских экономистов и алчностью российских лидеров. Положение ухудшило и американское кредо, будто рынок сам породит необходимые институты (а не что рыночной экономике нужны подходящие институты).

В XXI веке оказалось проще винить Запад, чем трезво оценивать положение России. Российские лидеры, критиковавшие Запад в 2010-х годах – те же самые люди, кто присвоил национальное богатство. Те, кто провозглашал с высоких постов принципы Ильина, – выгодоприобретатели, а не жертвы российского капитализма. Люди из окружения Путина позаботились о том, чтобы в стране не было верховенства права, поскольку они сами установили монополию на коррупцию и извлекли из нее выгоду. Идеи Ильина освятили радикальное неравенство в России, перенесли акцент политики с реформ на непорочность и помогли представить Запад постоянным источником духовной угрозы.

На идеях Ильина невозможно построить государство, но они помогли грабителям предстать спасителями страны. Идеи Ильина помогли новым лидерам назначать врагов и так создавать выдуманные – и, следовательно, неустранимые – проблемы (например, неизменную враждебность растленного Запада). Предположение, будто Европа и Америка – вечные враги, завидующие непорочности русской культуры, – чистый вымысел. Однако он порождает настоящую политику, цель которой – свести на нет успехи зарубежных стран, которых не могут достичь российские лидеры.

“Политика вечности” не способна принести бессмертие ни Путину, ни кому-либо еще. Однако она может вытеснить остальные идеи. Это и есть “вечность”: снова и снова одно и то же, скука и монотонность, любимые адептами из-за иллюзии, будто “вечность” принадлежит исключительно им. Конечно, ощущение принадлежности к группе (“мы” против “них”; “друзья” и “недрузья”, с точки зрения фашистов) – самое распространенное из всех переживание; жить только им – значит пожертвовать индивидуальностью.

Между “предопределенностью” и “вечностью” находится лишь история, о которой размышляют и которую населяют индивиды. Если мы осмыслим “вечность” и “предопределенность” как концепции внутри истории, то поймем, что с нами произошло и что мы можем исправить. Мы видим в тоталитаризме угрозу не только своим институтам, но и индивиду.

Яростно нападая на индивидуальное, Ильин признает индивидуализм той политической добродетелью, которая делает возможными все остальные добродетели. Понимаем ли мы, что добро многолико, что политика предполагает разумную оценку и выбор, а не созерцание всеобщности? Видим ли, что в мире есть и другие люди, трудящиеся, возможно, над той же задачей? Созаем ли мы, что индивидуальное бытие требует постоянного рассмотрения бесконечного множества фактов, постоянного выбора из множества непреодолимых страстей?

Добродетель индивидуализма проявляется в страданиях настоящего, но она сохранится лишь в том случае, если мы видим историю и себя в рамках истории, если принимаем свою долю ответственности.

Глава 2. 2012 год: сменяемость или крах?

История убедительно свидетельствует, что все диктатуры, авторитарные системы правления преходящи. Непреходящими оказываются только демократические системы.

Владимир Путин, 1999 год

Разговор о “невинном народе” подменяет усилия, необходимые для создания устойчивого государства. Утверждать, что спаситель России околдует мир – значит уйти от вопроса, как он построит политические институты. Владимир Путин, скомпрометировав в 2011–2012 годах выборы, облачился в плащ героя и поставил страну перед выбором (по Ильину): пока он жив, никто не способен изменить положение России к лучшему, и никто не знает, что произойдет после его смерти.

Фашисты-современники Ильина устранили в воображении проблему устойчивости. В 1940 году румын Александру Ранда заявил, что фашистские лидеры “превращают народ в армию, в освобожденное от границ *corpus mysticus* [мистическое тело]”. Харизма спасителя помещает народ за рамки истории. Адольф Гитлер утверждал: значение имеет лишь расовая борьба, и истребление евреев поможет достичь вечного равновесия в природе. “Тысячелетний рейх” просуществовал двенадцать лет, Гитлер покончил с собой. Государство не уцелело. Проблему политической устойчивости не могут решить те, кто думает лишь о настоящем.

Эффективность государства порождает у граждан ощущение преемственности. Если государство устойчиво, граждане могут без страха думать о переменах. Механизм передачи власти гарантирует, что государство переживет лидера, и демократия – именно такой широко распространенный механизм. Значение каждого выборов в том, что они обещают следующие выборы. Поскольку всякий гражданин может ошибиться, демократия превращает совокупность совершенных ошибок в общую уверенность в будущем. И тогда история продолжается.

У Советского Союза, изгнавшего Ильина и воспитавшего Путина, были непростые отношения с временем. СССР, в котором не было механизма передачи власти, просуществовал всего 69 лет. Большевиков не заботила преемственность, ведь они считали, что начинают мировую революцию, а не строят государство. Русская революция 1917 года виделась им ударом молнии, который зажжет цивилизацию, начнет историю заново. Когда это пророчество не сбылось, большевикам не осталось ничего иного, кроме как заняться государственным строительством на контролируемой территории.

В СССР, образованном в 1922 году, власть принадлежала компартии. Источником ее легитимности были не правопреемственность и не связь с прошлым, а победа революции и обещание светлого будущего. Теоретически власть находилась в руках рабочего класса. Партия представляла рабочий класс, партию представлял ее Центральный комитет, ЦК представляло его Политбюро, а Политбюро чаще всего представлял вождь: Ленин, а после него Сталин. Марксизм-ленинизм был вариантом “политики предопределенности”: ход событий заранее известен; на смену капитализму идет социализм; партийные лидеры знают в подробностях, как все будет, и готовят планы. Первоначально большевики затеяли государственное строительство с тем, чтобы подстегнуть историю и воспроизвести в стране промышленность, которую при обычном порядке вещей порождает капитализм. Когда СССР обзаведется заводами и городами, можно будет отменить частную собственность, наступит социалистическая гармония, а государство отомрет.

Хотя советская плановая экономика породила современную инфраструктуру, пролетариат так и не получил власть, а государство так и не исчезло. Поскольку никакого механизма

передачи власти не было, смерть каждого советского вождя угрожала системе в целом. После смерти Ленина (1924) Сталину потребовалось около шести лет, чтобы устранить соперников, и некоторые из них были убиты. Сталин руководил масштабной модернизацией согласно Первому пятилетнему плану (1928–1933). Новые города и заводы были оплачены голодом и отправкой в лагеря миллионов людей. Сталин явился и главным автором Большого террора. В 1937–1938 годах был расстрелян 682 691 советский гражданин. Террор – массовые убийства и депортации – в меньшем масштабе повторился в 1939–1941 годах, когда была отодвинута на запад граница СССР, союзника нацистской Германии. В рамках этой второй кампании произошло и убийство в 1940 году 21 892 польских граждан в Катыни и других местах.

Для Сталина явилось неожиданностью предательство его союзника Гитлера в 1941 году. В 1945 году, после победы Красной армии, Сталин объявил себя спасителем социалистического проекта и русского народа. После Второй мировой войны СССР сумел создать у своей западной границы пояс колоний с родственными режимами: Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Болгария. В состав Союза также были включены Эстония, Латвия и Литва, аннексированные Сталиным благодаря союзу с Гитлером.

В 1953 году, после смерти Сталина, погиб всего один претендент на власть. К концу 1950-х годов Никита Хрущев сосредоточил власть в своих руках. В 1964 году его сменил Леонид Брежнев. И именно он оказался главным последователем Сталина, изменившим отношение к времени: марксистскую “политику предопределенности” заменила советская “политика вечности”.

Большевистская революция ориентировалась на молодость, на новое общество на руинах капитализма. Это предполагало кровавые репрессии в СССР и особенно за рубежом, которые позволяли молодежи подниматься по партийной лестнице. Когда в 1960-х годах все это прекратилось, советские лидеры стали стареть вместе со своим государством. В 1970-х годах Брежнев рассуждал не о грядущей победе коммунизма, а о “реальном (развитом) социализме”. Граждане СССР перестали рассчитывать на лучшее будущее, и вакуум, оставленный утопией, заполнила ностальгия. Брежнев заменил перспективу совершенного будущего превозношением Сталина и его роли в победе во Второй мировой войне. Миф о революции предполагал неминуемое будущее, о войне – вечное прошлое. Поскольку такое прошлое не должно было быть ничем запятнано, стало табуированным и даже противозаконным упоминать, что в начале войны Сталин был союзником Гитлера. Для того чтобы заменить “политику предопределенности” “политикой вечности”, пришлось пожертвовать историческими фактами.

Миф об Октябрьской революции обещал все, миф о Великой Отечественной войне не обещал ничего. Октябрьская революция рисовала мир, в котором все без исключения – братья и сестры. Увековечение же Великой Отечественной войны требовало вечного возвращения фашистов с Запада, который всегда желал погубить СССР (или один лишь русский народ). Безграничная надежда уступила место вечному страху, а он служил оправданием для гигантских расходов на обычные и ядерные вооружения. Грандиозные военные парады на Красной площади были призваны показать: СССР неизменен. И те, кто правил Россией в 2010-х годах, были воспитаны в этом духе.

Размещение сил советской армии соответствовало той же цели: сохранению статус-кво в Европе. В 1960-х годах некоторые чехословацкие коммунисты решили, что коммунизм поддается реформированию. Когда в 1968 году СССР и его союзники по Варшавскому договору оккупировали Чехословакию и отстранили от власти коммунистов-реформаторов, Брежнев назвал это “братской помощью”. Согласно “доктрине Брежнева”, советские войска воспрепятствуют любым переменам в коммунистических странах Европы, если Москва сочтет их угрозой. После 1968 года правительство ЧССР рассуждало о “нормализации”, и это точно передает суть произошедшего. *Нормальным было* положение вещей до попытки реформирования.

Утверждать противоположное означало в брежневском СССР принудительное психиатрическое лечение.

Брежнев умер в 1982 году. В 1985 году (после недолгого пребывания у власти полуживых Юрия Андропова и Константина Черненко) генеральным секретарем стал Михаил Горбачев. Он считал, что можно реформировать режим и надеяться на лучшее. Главным оппонентом Горбачева выступила сама партия, в первую очередь – консервативные группы, выступающие за сохранение статус-кво. Поэтому Горбачев попытался с помощью новых институтов удержать контроль над партией и вдохновил лидеров просоветских режимов Восточной Европы сделать то же самое. Польские коммунисты, столкнувшись с экономическим кризисом и оппозицией в обществе, провели в 1989 году частично свободные выборы – и проиграли. Это привело к образованию правительства без участия коммунистов и каскаду революций по всей Восточной Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.